

Курбанов Муса Гасангусейнович

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗИДАНИЯ

В статье рассматривается соотношение исторического, культурного и созидательного начал, определяющих развитие человека и общества. Процесс созидания постоянно сопровождает развитие культуры на всем протяжении истории. Но в культуре, помимо созидания, оказываются востребованными и процессы разрушения, которые порою изначально заключены в недрах созидания. Автор приходит к выводу, что если история демонстрирует количественную атрибутику и динамичность созидания, то культура акцентирует его качественную определенность и устойчивость. Решающим всегда оказывается образ человека, определяющий направленность созидания и границы деструктивности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.3:17

Философские науки

В статье рассматривается соотношение исторического, культурного и созидательного начал, определяющих развитие человека и общества. Процесс созидания постоянно сопровождает развитие культуры на всем протяжении истории. Но в культуре, помимо созидания, оказываются востребованными и процессы разрушения, которые порою изначально заключены в недрах созидания. Автор приходит к выводу, что если история демонстрирует количественную атрибутику и динамичность созидания, то культура акцентирует его качественную определенность и устойчивость. Решающим всегда оказывается образ человека, определяющий направленность созидания и границы деструктивности.

Ключевые слова и фразы: общество; созидание; история; культура; созидательно-исторический процесс; естественно-исторический процесс; образ человека; воля.

Курбанов Муса Гасангусейнович, к. филос. н., доцент

Дагестанский государственный университет

kurbanovm@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗИДАНИЯ[©]

Проблема созидания как особого результата человеческой деятельности постоянно сопровождает весь ход истории и все содержание культуры. Как процесс и система человеческой деятельности созидание играет решающую роль в определении сущности человека и общества. Неверно было бы эту роль, и без того значительную, искусственно преувеличивать, вытесняя естественные процессы на задворки человеческой жизни, как это делает, например, С. С. Аванесов, утверждая, что «подлинная, позитивная самореализация человека совершается как самосозидание» [1, с. 135]. Более того, самосозидание человека может быть не только системообразующим фактором человеческой культуры, но и актуальным элементом «естественного хода истории» [2, с. 224-227]. Кроме того, созидание не является высшей прерогативой исторической самореализации человека. Не менее важной может оказаться и возможность исторически оправданного разрушения. Так, Л. И. Шестов, размышляя о творческой фигуре Л. Н. Толстого, утверждает, что таинственная сила дает Л. Н. Толстому «державное право законодательствовать – созидать и разрушать миры. Он принимает то, что ему нужно, он отвергает все, что ему мешает, хотя бы это было величайшей ценностью в глазах всего человечества» [8, с. 323]. Таким образом, разрушение устаревших ценностей может рассматриваться в аспекте исторического созидания, а созидательная приверженность устаревшим ценностям может расцениваться хуже, чем, казалось бы, необратимое их разрушение.

В общую структуру созидательного процесса с необходимостью входят конструкты, идеи и модели, воплощенные в общественно-исторической практике, в том числе и такие идеи, развитие которых не продвинулось дальше спроектированных моделей или творческих замыслов и зафиксировалось, например, в формах творческого потенциала или перспективной возможности общественного развития.

Особая роль в созидании всегда принадлежит его проективной функции, оформленной в виде творческого замысла. Практическая реализация творческого замысла связана с поиском возможностей соединения сознательной деятельности людей с так называемой надсознательной сферой общественной жизни, то есть такой сферой, которая обусловлена внутренней социо-логикой общественного развития. В свою очередь, формирование конкретного творческого замысла во многом зависит от сложившегося в обществе общего творческого потенциала, выражающего осознанные субъективные возможности общественного развития и меру их соответствия логике общественного развития.

Возникновение творческого замысла, влияющего на направленность общественного развития, всегда происходит в индивидуальном сознании конкретного человека. Социальная сингулярность и множественность, «онтологическая противоречивость и многоплановость» [4, с. 100] творческого замысла и самого созидания, взятого в целом, постоянно модифицируются, трансформируются, корректируются так значительно, что порою возникают вполне обоснованные сомнения в том, был ли на самом деле какой-то замысел и есть ли вообще какое-то созидание. В этом смысле общественное сознание становится не просто устойчивым хранителем, но и активным проводником творческого замысла, особенно в том случае, когда последний соответствует общественным интересам. Поэтому человек постоянно держит в центре внимания вопрос о социальном содержании своих замыслов и о возможности их осуществления в ходе созидательной деятельности. Человек, выпадающий из индивидуально-исторических форм организации творческой деятельности в современном цивилизованном обществе, получает обезличенное социально-историческое бытие, выражаемое статистическими, аморфными категориями «масса», «толпа», «население». Социально формализованные признаки человека, как правило, возникают, нарастают и достигают максимального значения в результате меняющейся тенденции в процессе самоидентификации различных социальных групп и форм общности, определяющих свое исключительно уникальное значение и место в общечеловеческой реальности. Они могут воплощаться в неотвратимые социально-исторические силы, которые в обществе реализуются через статистические законы и закономерности. Перед такими силами и связанными с ними социально-

статистическими закономерностями индивидуально-личностный статус человеческого творчества – особенно творческого замысла – оказывается маловероятным, типичным и незначительным. Но формализовано воплощенный результат творчества может оборачиваться своей духовной увековеченностью и оказывается безмерным, всеобщим и всемогущим для дальнейшего хода истории.

Таким образом, история может получать характер управляемой направленности общественного развития, что становится одним из фундаментальных атрибутов цивилизованного общества. Эта направленность характеризуется тенденциями углубления и расширения необратимых общественных преобразований. Культурно-исторический процесс свидетельствует, что в итоге решающая роль принадлежит не только количественному возрастанию активной массы людей, демонстрирующих динамичность созидания, но и качественному совершенствованию созидания, его структурной устойчивости и функциональной эффективности в жизни человека и общества (профессионализация, интеллектуализация и т.д.). Этот процесс сопровождается усилением творческого потенциала и других возможностей субъективной активности человека и народных масс, выходом их деятельности в такие сферы жизненного пространства, которые лежат вне естественно-исторических, стихийно складывающихся форм организации общественной жизни.

В связи с этим ясно, что социальный образ человека может менять свои очертания, границы, статусные значения и формы проявления в зависимости от того, в каком процессе он конституируется, актуализируется и функционирует. Согласно установлениям и стереотипам жизни, определяемым естественно-историческим процессом, этот образ человека состоит в том, чтобы всегда соответствовать своему времени, своей эпохе, т.е. жить сегодняшним днем, не забегая далеко вперед, в абстрактные, фантастические перспективы или пустопорожние мечтания. Творчество же, понимаемое как созидательно-исторический процесс, воспроизводит противоположный образ человека, который позволил бы преодолеть не только свое время, свою эпоху, но преодолел бы время вообще, погрузившись в вечность, т.е. преодолел бы точку зрения, заменив ее на ничем не ограниченный кругозор вездесущего присутствия во всем и всегда. В связи с этим ясно, что установление того или иного образа человека, порождаемое и определяемое в ходе естественно-исторического процесса, может оборачиваться дегуманизацией, бесчеловечностью, если этот образ оказывается зажат в креативно-инновационных структурах созидательно-исторического процесса. Об этих угрозах и вызовах цивилизации размышляет и К. Ясперс, утверждая, что его точка зрения «против того, чтобы мерой мышления была эпоха, – мерой мышления должен быть человек» [9, с. 111]. К. Ясперс открыто выступает против формализованной «классификации людей согласно историческим или иным категориям, которая незаметно разрывает взаимосвязи между ним» [Там же]. Здесь, действительно, нельзя упускать из поля зрения то множество доступных для использования возможностей, которые может иметь человек для самых далеко идущих последствий своего созидания.

Созидая свой окружающий мир, человек созидает и самого себя. Значительную роль в созидании образа человека играют биологические, психологические, социальные и другие механизмы деятельности, через которые осуществляется как творчество новых, небывалых в истории форм человека, так и его культурно-историческое дублирование, осуществляемое механизмами культовых обрядов и традиций, или социально-формализованное «тиражирование» массового человека. Существенную роль здесь может играть разумная воля крупных исторических личностей, представляющая собой политический и социально-психологический механизм по практической организации и координации совместных, целенаправленных, человеческих действий, меняющих общественный строй, существующую социальную действительность и соответствующие ей законы для усиления их прогрессивной, созидательной нацеленности на общее благо.

Ключевую роль в созидании играет историческая воля людей, которая представляет собой особый механизм реализации потребностей и возможностей, связанных с достижением поставленных целей. Этот механизм в естественно-историческом процессе имеет совершенно иной характер действия, чем в процессе исторического созидания, ибо в своем естественном ходе история изначально не может быть ни разумной, ни свободной. Поэтому она реализуется здесь в ограниченной форме, проявляется не иначе как через прямое и жесткое воспроизведение исторической необходимости. В этом процессе над людьми всегда довлеет масса непредвидимых случайностей, которые существуют, потому что здесь люди непосредственно связаны со своей общественной жизнедеятельностью в единую, синкретическую целостность. В такой ситуации субъект истории находит себя в естественной, слепой, от рождения данной «*первичной свободе воли*». Здесь субъект истории ограниченно и неосознанно владеет функциями и пределами развертывания своих исторических возможностей. На самом деле такая свобода воли является произволом и в лучшем случае – той промежуточной формой развития, через которую общественный дух приходит к истинной, внутренней свободе. В истории субъект произвольной деятельности представляет собой носителя неразумной свободы. Такая «свобода» представляет собой, проще говоря, естественную общественную необходимость, которая в определенных условиях может превращаться в иррациональную силу, функционирующую в единстве с непосредственным, обыденным общественным сознанием. Так возникает иллюзия свободы, которая сильно искажает понимание субъектом своего реального места в ходе исторических событий. Иллюзорность свободы может исправить только хитрость разума, но только при одном условии, по которому множество социальных действий будет равно социальным противодействиям.

В исторической практике воля становится действительно свободной лишь тогда, когда она разумно направляется к желанной и вполне достижимой цели. В конечном счете та или иная форма социальной действительности разумна лишь тогда и до тех пор, пока она исторически жизнеспособна служить на благо человеку и обществу. В разумности практических действий воля получает более адекватное своему реальному содержанию выражение, которое обусловлено главным образом не естественно-историческим процессом, где она проявляется в своем первородном виде как произвол, как слепая необходимость и объективная сила, а именно созидательно-историческим процессом. Таким образом, лишь направляясь разумом, рационализируясь, воля открывает

человеку действительную свободу, становится созидательной, творческой силой. Воля как субъективная субстанция человеческой деятельности, «включенная» в процесс объективной детерминации общественного бытия, служит решению творческих задач по сознательному использованию законов природы и общества в целях более полного человеческого самовыражения в направлении общественного прогресса.

При этом нельзя упускать из вида то обстоятельство, что воля, рассматриваемая как атрибут созидющего субъекта, не может в истории быть абсолютной, сверхъестественной, безграничной и всемогущественной, она не может парить над историческим процессом в каком-то абстрактном, вневременном и внепространственном виде. Воля получает конкретную, практическую и свободную форму лишь в субъекте и в пределах исторически достигнутого им уровня развития. Вот почему понимание и оценка пределов и возможностей свободы воли одним поколением людей отличается от понимания и оценки этих пределов в других поколениях и в других общественных условиях. Это означает, например, что одна и та же степень свободы воли, реализуемая предшествующим поколением, может в разных практических приложениях восприниматься и расцениваться последующими поколениями в широком диапазоне от иллюзорной и ложной свободы воли (вплоть до прямого произвола) до подлинной, действительной свободы воли, воплощенной в творческом созидании.

Созидательная сущность человека открывается и постигается только благодаря социальному выходу за пределы одномерной линейности человеческого индивида, предписанной ему законами природы, – через обретение человеком «многомерности всего мира» [3, с. 108-111]. Переход «от закономерности человека к человекомерности законов» [5, с. 90-94] становится магистральным направлением исторического созидания. Универсальная многомерность всего бытия, проникая в ткань человеческой жизни, становится новым цивилизационным критерием, формирующим новые возможности дальнейшего развития человечества.

Понимание тенденций и перспектив развития исторического созидания тесно связано с процессами системного разрушения устаревших ценностей, которые сейчас императивно складываются в философии и гуманитарных науках. Кроме того, в пользу сокрытия отдельных пробелов и откровенной «нищеты» антропологии выступают особые метасемантические нарративы и императивы, подогревающие «апокалиптическое» сознание цивилизации. Это сознание теперь вполне способно опрокинуть все человечество с вершин райского благодущия в адскую геенну отчаяния. Современное «апокалиптическое» сознание цивилизации и разрушительная семантика имеют богатый набор образов и метафор «смерти бога» (Ф. Ницше), «смерти автора» (Р. Барт), «смерти труда» (П. Томсон, Р. Дарендорф), «смерти человека» (М. Фуко), «конца истории» (Ф. Фукуяма), которые не замыкаются друг на друге. Сначала предпринимались попытки похоронить бога, постигая возможность его небытия. Но религия продолжает жить. Сейчас философы изучают «смерть человека», постигая пределы его естественного существования, актуализируя проективные формы его инобытия и небытия. Но человек и общество продолжают развиваться в таком направлении, которое неизвестно для истории. Дело дошло и до того, что пытаются похоронить и философию, заглядывая в ее «перспективное» небытие – в эту преисподнюю любого философствования. Никакое решение исследовательской задачи не может быть больше того, что даст исследование в целом. Предельная возможность бытия не зависит от предельных возможностей нашего мышления.

Ведь, в конечном счете, все эти «концы», «пределы» и «смерти» надо постулировать не из понятийно-семантических моделей, образов и предположений, а из движения самой «оригинальной» реальности. Забегая вперед и говоря о перспективах цивилизации, С. Хантингтон не исключает то, что рано или поздно будет исчерпан как внутренний, так и внешний источник развития цивилизации, чем и оправдывается идея «смерти цивилизации». На это уже прямо намекают идеи и размышления С. Хантингтона о межцивилизационных войнах. Наступающий «апокалиптический век» готовит осознанное приближение к проблеме глобального выживания, к полной очевидности той черты, которая отделяет нас от реальной угрозы гибели всего человечества. В традиционном смысле понимания всей предшествующей земной жизни действительно приближается нечто завершающее: «теперь мы ощущаем влияние всех прошлых событий по-новому, ибо прошлое возвращается к нам с новой силой. Мы оказались в ситуации, которую можно назвать скачком времени» [7, с. 28]. Возникновение такой «мета-исторической» ситуации может означать переход человеческого бытия от разлома в природе (во времена «сверх-дикости») к разлому в истории (во времена «сверх-цивилизации»). В последней бифуркационной точке можно гипотетически обозначить начало «мега-эры», открывающей феномен второго «осевого времени», опрокидывающего и перемалывающего историю в таком же порядке, как история своим прежним движением опрокинула движение природы. Говоря иначе, второе «осевое время» может означать, что история человечества как бы перешагнет через тень своего прошлого, а будущее сможет получить относительный, «ретроальтернативный» характер. Уже в наши дни можно наблюдать, как «вся наша история догоняет нас, и именно это различие, как ни парадоксально, подчеркивает наш разрыв с прошлым» [Там же, с. 29].

В этом смысле идеи антропоцентризма уже уступают место идеям антропокосмизма [6]. Земля как «колыбель» человечества постепенно будет становиться заурядной локальной планетой, ограничивающей новые возможности человеческого существования, а само человечество в целом станет космической категорией. Такое положение человечества может означать предел традиционного существования цивилизации, после которого начнется «космолизация» жизни. Эти идеи космоморфизма разнопланово обыгрываются в фантастической и футурологической литературе. Дистанция, нарастающая между средствами и целями созидания, ослабляет созидательный потенциал человека, делает его менее эффективным и более дезориентированным. Поэтому стратегические, широкомасштабные и далеко идущие, перспективные цели созидания должны последовательно сверяться с пошаговыми решениями промежуточных задач и проблем, открывающих новые, более широкие и менее ограниченные возможности творчества.

Список литературы

1. **Аванесов С. С.** Самореализация и самосозидание // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. Томск, 2009. № 2 (6). С. 133-135.
2. **Курбанов М. Г.** Естество и созидание в истории // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2011. Вып. 5. С. 224-227.
3. **Курбанов М. Г.** К многомерности человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. I. С. 108-111.
4. **Курбанов М. Г.** Онтологические основы познания человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). Ч. I. С. 98-102.
5. **Курбанов М. Г.** От закономерности человека к человекомерности законов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. III. С. 90-94.
6. **Сагатовский В. Н.** Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб., 2004. 232 с.
7. **Тоффлер Э.** Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
8. **Шестов Л.** Разрушающий и созидающий миры // Шестов Л. Сочинения в 2-х т. Томск, 1996. Т. 2. С. 315-354.
9. **Ясперс К.** Ницше и христианство. М.: Медиум, 1994. 115 с.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL PROBLEMS OF CREATION

Kurbanov Musa Gasanguseinovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dagestan State University
kurbanovm@mail.ru

The article considers the correlation of the historical, cultural and creative principles determining the development of a human being and society. The process of creation constantly follows the development of culture throughout history. But culture, besides creation, claims also for the processes of destruction, which sometimes are initially enclosed in the interiors of creation. The author concludes that if history presents the quantitative attributes and dynamics of creation culture accentuates its qualitative specificity and stability. Decisive is always an image of a human being determining the orientation of creation and the limits of destructiveness.

Key words and phrases: society; creation; history; culture; creative historical process; natural historical process; image of a human being; will.

УДК 9(С)15

Исторические науки и археология

В статье автор проанализировал основные направления торговой деятельности купца Н. Д. Эверстова в Якутской области. Было выявлено, что Н. Д. Эверстов заложил основы формирования крупного капитала путем создания торговой и транспортной инфраструктуры. Определено, что пушная торговля Н. Д. Эверстова имела внутреннюю специализацию, которая заключалась в поставках крупных партий соболей на Нижегородскую ярмарку и международные рынки. Основная роль Н. Д. Эверстова в развитии пушной торговли в Якутской области заключалась в финансировании и кредитовании крупных фирм.

Ключевые слова и фразы: северо-восточная Сибирь; пушная торговля; мануфактура; партии пушнины; торговый капитал; кредит; купечество; Якутская область.

Кушнарёва Маргарита Дмитриевна, к.и.н., доцент
Иркутский государственный университет
rita270880@mail.ru

**РОЛЬ КУПЦА Н. Д. ЭВЕРСТОВА В РАЗВИТИИ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ КРУПНЫМИ
 ФИРМАМИ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

Проблема формирования местного торгового капитала на территории северо-восточной Сибири в современной отечественной историографии еще недостаточно изучена. Между тем на северо-востоке Сибири уже во II половине XIX в. начинают складываться предприятия с достаточно крупным капиталом, которые впоследствии оказывали существенное влияние на формирование местных монополий.

Исследователь крупной буржуазии и монополистического капитала Г. Х. Рабинович в своей работе отмечал, что «в Сибири особенно рельефно проявился процесс развития капиталистических отношений